

О красоте истины и добре красоты

Мир, в котором протекает человеческая жизнь, – сложная система, ее компоненты внутренне взаимосвязаны. Человек – тоже система, пребывающая в активном отношении как к миру, так и к самому себе. Познавая и осваивая мир и себя, человек на уровне сознания членит действительность, “рвет” ее на куски, придавая конкретным сферам статус самостоятельности, рассматривая их нередко обособленно, вне связи с другими составляющими системы. Само освоение осуществляется посредством различных видов и форм. Его специфика в каждом конкретном случае в огромной степени определяется сформулированный субъектом целью и находит рельефное воплощение в вербальных и невербальных формах, концентрирующих как специфику самого отношения человека к объекту, так и особенности функционирования последнего. Понятийный аппарат человеческого мышления в широком понимании этого слова – кладезь содержания и формы тех терминов, которые используют люди для обозначения разнообразных проявлений действительности. Эти термины имеют более или менее четкую смысловую наполненность в рамках конкретных наук или других форм знания. Понятия “истина”, “добро” и “красота” – не исключение.

Прежде всего необходимо отметить, что несмотря на внутреннюю взаимосвязь, возникают они в плоскостях разных видов отношения человека к миру. Истина – продукт познания, добро сферой своего обитания имеет отношения нравственные, красота – плод отношений эстетических. Чтобы вести серьезный разговор о роли и значении феноменов, обозначаемых с помощью данных понятий, в жизни общества и человека, необходимо специально обратиться к их содержанию, природе и функциональным особенностям.

Важнейшей предпосылкой комфортного бытия человека в различных жизненных ситуациях есть наличие у него знаний, позволяющих принимать правильные решения. Их объем, глубина, соответствие времени, теоретическая и практическая востребованность, эффективность использования – лишь некоторые параметры этого плода человеческого сознания. Человек любопытен по своей природе. Это всегда хорошо видно по маленьким детям, активно пытающимся

осваивать прежде всего игрушки и среду своего ближайшего обитания, со временем “заваливая” близких нескончаемым потоком вопросов, в которых изобилуют слова “почему” и “как”. Приобретаемые как отдельным индивидом, так и обществом в целом знания, делают мир доступнее, уменьшая в нем долю “чужого”, непонятого и увеличивая долю известного, “своего”. Как следствие, у субъекта познания и деятельности возрастает количество степеней свободы, сама деятельность становится более эффективной и прогнозируемой. Но это возможно лишь при условии, что используемые им знания имеют статус истины.

Эта характеристика знания очень сложна и имеет комплексный характер. В истине всегда много тайны, вариативности, процессуальности и неожиданности*. Близко подпуская к себе, она “не дается в руки”, “убегает”, всегда оставляя между собой и человеком определенную дистанцию, которая то увеличивается, то сокращается. Оперируя знанием, максимально отвечающим критериям истины, субъект, тем не менее, постоянно должен помнить, что в любой момент оно может “не сработать” или “сработать” по-иному, совсем не так, как это было обычно, привести к непредвиденному результату, не вписывающемуся в общую логику познания или практики. Диалектика абсолютного и относительного в истине, истины и заблуждения, знания истинного и неистинного (не путать с заблуждением) – крайне сложна. При всей этой сложности истина – конечная цель познавательного процесса, своеобразный идеал. Идеал всегда манит, привлекает, подчиняя себе деятельность, направленную на его достижение. Но подняться до уровня идеала во всей его полноте практически невозможно. По мере приближения к нему идеал наполняется новым содержанием, корректируется, уточняется и в пространственно-временном измерении отодвигается вперед. Он всегда выходит за пределы сущего и выступает как желаемое. Важную роль в нем играет момент долженствования.

*В философской литературе, посвященной вопросам познания и функционирования знания (гносеологическая и эпистемологическая проблематика), представлено немало число концепций истины: корреспондентская, когерентная, прагматическая, дефляционная, регулятивная, религиозная, постмодернистская и др. Каждая из них трактует истину по-своему. Как правило, внутренняя связь концепций почти не просматривается. К сожалению, нередко случаи, когда совсем игнорируется смысловое ядро истины – адекватное воспроизведение в знании особенностей исследуемого объекта. Постмодернистские изыскания вообще провозглашают отказ от истины.

Крайне интересной и очень специфической чертой истины как гносеологического идеала есть предельная абстрактность ее содержания. Если содержание морального, эстетического, правового, политического и многих других идеалов всегда более или менее четко обозначено, то о какой-либо четкости содержания идеала гносеологического вести речь не приходится. Единственное, что знает познающий субъект о знании, которое он добывает, - это то, что ему необходимо знание истинное, а не ложное. Действительное содержание истины как цели познания он узнает лишь тогда, когда истина будет открыта, т.е. спустя определенное время, которое, кстати, может растянуться на годы, десятилетия, а то и столетия. Поэтому истина как идеал – образование размытое и неопределенное. В этой неопределенности один момент является стабильным, неизменным (имеет статус абсолютного) – полученное знание должно адекватно воспроизводить познаваемый объект.

Истина отличается беспристрастностью. Априори она никому не служит и ни от кого не зависит. Но эта беспристрастность внутри себя содержит собственную противоположность – зависимость от времени, субъекта познания, познавательных процедур, базовой методологии познания, социальных условий и многого другого. Она постаает как определенная мера и требование человеческого присутствия в мире, участия человека в созидании действительности именно такой, какой она исторически, культурно, интеллектуально и концептуально в состоянии открыться [1,229]. “Независимую” истину каждый использует в своих интересах. Нередко эти интересы грубо попирают надлежащим образом обоснованное и проверенное практикой знание. Так возникают полуистины, лжеистины, фальсифицированные истины. Сложно в этом плане приходится общественному сознанию, где над истиной нередко висит дамоклов меч различных идеологических конструкций, программ политических партий, религиозных убеждений, бытовых традиций, моральных догм и т. д.

В контексте всех остальных измерений развитие общества можно представить как сложный, противоречивый, нередко зигзагообразный, с посещением многих гносеологических тупиков, топтанием на месте и частым возвращением назад путь

освоения Истины. Без знаний такого рода общественный прогресс невозможен. Но это совсем не означает, что владение истиной – гарантированный пропуск в светлое будущее, залог индивидуального и коллективного успеха. Это лишь условие, правда очень важное, движения вперед. В природе и обществе существует очень много других факторов, влияющих на успех человеческой жизнедеятельности. И лежат они далеко за пределами познания, в том числе в сфере морали. Добро – один из них.

Всем хорошо известно, что добро и зло – базовые категории морального сознания. Именно посредством их осуществляется нравственная оценка антиподов человеческого поведения, нередко и проявлений природы, - нравственно положительного и нравственно отрицательного. Первое поощряется, второе осуждается. Предельно широким есть поле функционирования этих понятий. С позиций добра и зла можно интерпретировать любой акт жизнедеятельности субъекта, независимо от сферы его проявления: познание, политика, право, религия, быденная жизнь и т.д. Жизненный путь каждого человека – это дорога, в которой один ее край – добро, а второй – зло. Двигаясь по ней, индивид в каждый конкретный момент находится в определенной точке, где, взаимодействуя между собой, сосуществуют силы добра или зла. Даже пребывая в центре дороги, он будет испытывать их влияние. Человеческая жизнь – всегда борьба добра и зла. Эти антиподы – противоборствующие силы всех сказок мира, независимо от их содержания и действующих героев. Слушая и читая сказки, дети получают первый жизненный опыт различения данных феноменов, учатся ценить добро и осуждать зло.

Добро всегда имеет конкретную направленность. И какой бы широкой и объемной она ни была, добро локально, а не тотально. Оно адресовано конкретным людям и их различным объединениям. Как правило, самому акту добра предшествует желание его совершить, то есть добро имеет определенную мотивацию. Хотя нередко случаи, когда оно продуцируется человеком без такой мотивации, заявляет о себе, не будучи заранее предполагаемым. При этом ценность его нисколько не уменьшается. Наверное, в мире нельзя найти человека, который не

желал бы добра самому себе. Каждый здравомыслящий индивид желает его родителям, детям, родственникам, друзьям. Следовательно, можно говорить о широкой востребованности добра. И хотя категорический императив И. Канта – относиться к другим так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе – не имеет однозначного прочтения, его ведущая направленность связана именно с добром. Крайне важно учить людей делать добро другим, делать его безвозмездно, по зову сердца, превращая это в стиль жизни. Если бы смыслообразующим фактором бытия каждого человека и человечества в целом стало добро, сколько бед и невзгод навсегда исчезло бы с планеты. Добра, как и свободы, никогда много не бывает. Его присутствие “окутывает” индивида теплотой, дарит веру в других людей, рождает положительные социальные ориентации. Агрессивная среда обитания вызывает иные черты и устремления, прежде всего желание уничтожить, разрушить то, что принудительно сдерживает, ограничивает субъекта, делает его зависимым. Причем, сами средства преодоления зависимости нередко очень далеки от добра. И хотя зло не обязательно всегда продуцирует новое зло, его нездоровая аура негативно влияет на человека, активизирует “темные” силы психики, заставляет искать не совсем правильные пути достижения желаемых результатов. Еще никому не удавалось прожить жизнь, находясь по ту сторону добра и зла. На эту тему можно вести философские дискуссии, но практика общественных отношений неумолимо требует определиться с собственной позицией однозначно – либо ты на стороне добра, либо наоборот. Моральная оценка не терпит размытости, неопределенности. Поощрение одного и осуждение другого – объективное требование логики индивидуального и коллективного бытия человека, залог нормального функционирования общества.

Интересна диалектика абсолютного и относительного в добре. Относительное здесь доминирует. И не только в том смысле, что добро, адресованное одному человеку, нередко есть злом для человека другого. Относительность в данном случае имеет более глубокие корни. Широко известны слова Ф. Энгельса: “Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому” [2,94]. Понимание добра в громадной степени зависит от этнических традиций, религиозных убеждений,

политических симпатий, культивируемых норм морали, действующего законодательства, бытовых обычаев и многого другого. В свете сказанного важно помнить: прежде чем осуществить любое социальное действие в не совсем знакомой социальной среде, следует обязательно убедиться, что оно будет воспринято здесь именно как акт доброй воли, а не наоборот.

Кроме истины и добра в человеческой жизни очень важную роль играет красота. Это неординарное, в высшей степени сложное и крайне привлекательное образование – результат освоения человеком мира не с позиций утилитаризма, выгоды, практического присвоения, а как дарящего ему наслаждения от самого факта своего существования, специфики содержания и формы конкретных вещей, явлений и процессов, а также результатов человеческой жизнедеятельности и самого ее процесса. Феномен красоты имеет сложную субъективно-объективную природу. С помощью категории “красота”, равно как и других эстетических категорий, фиксируется диалектическое единство свойств, характеристик действительности и вызванных ими субъективных состояний того, кто эту действительность осваивает. Сам факт эстетического отношения к миру – проявление конкретных потребностей человека, а вся гамма эстетических идей и чувств – поле их удовлетворения. Вокруг красоты не одно столетие дискутируют представители различных форм знания. И хотя дискуссии продолжаются, их участники поразительно единодушны в трактовке роли этого феномена в обществе. Обладая могущественным потенциалом привлекательности, красота радует человека, отвлекая очень часто от проблем и горестных дум, способствует формированию положительного внутреннего настроения, возрастанию эстетической наполненности деятельности, превращению ее в самодеятельность, то есть поднятия до уровня творчества. Красота делает человека добрее, снимает напряженность в отношениях между людьми.

Не существуя сама по себе, вне эстетического отношения субъекта к действительности, красота, тем не менее, как бы имманентно содержится в ней. Ее бытие здесь имеет не актуальный, а потенциальный характер и связано с особенностями структуры объекта, его внутренней организацией, формами

проявления. Эти особенности заявляют о себе лишь тогда, когда объект попадает в сферу внимания субъекта, вызывает у него эстетический интерес. Обнаружение красоты, как и ее творение, - сложный и интересный процесс. Красота – это субъективное свидетельство конкретных достоинств объекта. Наиболее полное воплощение она находит в эстетическом идеале как концентрированном выражении эстетического совершенства вещей, явлений, процессов окружающего мира и различных проявлений человеческого бытия. Констатируя красоту, человек одновременно ее переживает, больший или меньший отрезок времени “живет” ею на уровне чувств или разума. Наслаждение красотой – одно из условий внутреннего развития индивида, его совершенствования. Поэтому так важно научиться видеть ее в мире, иметь развитый эстетический вкус, строить жизнь, сообразуясь с ее законами. Красота – это не просто данность, она предполагает активность субъекта, эстетический поиск, умение ее открывать, в том числе там, где жизнь красотой не блещет, где доминируют обыденность и привычки.

В разговоре о красоте наиболее сложным, пожалуй, является вопрос о ее критерии. И здесь нельзя не согласиться с Г.В. Плехановым, довольно убедительно аргументировавшим вывод, что единого, незыблемого критерия красоты не существует. Оставаясь красотой, это образование всегда социально обусловлено и конкретно в пространственно-временных координатах своего бытия, отличается высокой степенью изменчивости. В силу вышесказанного красота всегда относительна. Достаточно сравнить, например, представления о женской красоте в разные исторические эпохи и на разных континентах и станет понятно: они не просто существенно различаются, нередко даже несовместимы. И все таки наиболее общий признак красоты существует – это гармония. Нередко можно встретить утверждение, что не менее важным признаком красоты выступает совершенство. По моему мнению, безоговорочно согласиться с ним нельзя. Действительно, красота в каждом конкретном своем проявлении может в большей или меньшей степени приближаться к совершенству. И не более! Достичь совершенства – значит подняться до уровня идеала, в контексте нашего разговора – идеала эстетического. Совершенство, кстати как и гармония, - базовые, фундаментальные характеристики

именно идеала, независимо от его содержания. Но не всякая гармония – проявление совершенства. Оно заявляет о себе лишь тогда, когда мерные характеристики объекта раскрываются наиболее полно, когда объект беспрепятственно и всесторонне проявляет свою сущность.

Выделив наиболее общие характеристики истины, добра и красоты, попытаемся разобраться, насколько обоснована постановка вопроса относительно красоты истины и добра красоты. Как подчеркивалось в начале статьи, каждое из этих образований – результат разных способов отношения человека к миру и поэтому обладает “суверенностью”, имеет свое предназначение и выполняет конкретные функции. Истина – феномен эстетически нейтральный. В познании совершенно не важно имеет ли истина некую эстетическую ценность. Даже если истинное знание, например формула или закон, эстетически привлекательны, это ничуть не сказывается на их гносеологических возможностях. Другое дело, что истина, отличающаяся, ко всему прочему и красотой, более “симпатична” человеку чем та, которая такой характеристикой не обладает. Этот факт нельзя игнорировать, анализируя специфику субъект - объектных отношений в научно-исследовательской деятельности, а также особенности восприятия учебного материала учениками и студентами. Многие ученые с мировым именем неоднократно подчеркивали громадную эвристическую роль ощущения красоты истины в познавательном процессе. На заре кибернетики была сформулирована идея об аналогии между информацией и энтропией. Французский физик, нобелевский лауреат Луи де Бройль назвал ее “...наиболее важной и наиболее красивой из идей, подсказанных кибернетикой” [3,100]. Вопрос о красоте истины вполне закономерен. Ведь человек заинтересован, чтобы красивого вокруг него и в нем самом было больше, чем некрасивого. Можно выделить, по меньшей мере, два основания взаимосвязи истины и красоты. Во-первых, каждое из этих образований – отражение действительности, нередко одних и тех же объектов. Во-вторых, оба они призваны удовлетворять потребности и интересы человека. И истина, и красота до человека и без него не существуют. Да и вообще жизнь отдельного индивида и общества в целом наиболее ярко и утверждающе заявляет о себе посредством истины, добра и

красоты. Поэтому не случайно во многих языках народов Африки эти ее проявления обозначаются одним словом. О глубокой внутренней связи данных феноменов много говорили древние философы – Сократ, Платон, Аристотель и др.

Рассуждая о красоте истины, нельзя обойти вниманием тот факт, что человек способен творить, созидать “по законам красоты”. Эта мысль озвучена в одном из произведений К. Маркса: “Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты [4, 94]. Созидать по законам красоты – значит действовать обязательно сообразно истинным знаниям, отражающим действительность такой, какой она есть сама по себе, вне человека, максимально использовать внутренние возможности (“логику”) того материала (камень, глина, металл, мысль, художественный образ и др.), которым оперируешь (в этом хитрость человеческого разума – заявлял Г. Гегель). В противном случае желаемого результата не достигнешь. Но это полдела. Крайне важно, чтобы продукт деятельности имел эстетическую ценность, отличался красотой. Игнорирование этого момента приводит к безвкусице: “серым” жилым кварталам, некрасивым и неудобным одежде, обуви, предметам быта, скуке в межличностных отношениях и др. Деятельность по законам красоты – это подлинное творчество, независимо от сферы его проявления. Здесь истина и красота взаимно дополняют друг друга, одно предполагает, подчеркивает и помогает максимально раскрыться другому. Громадные возможности такого взаимодействия хорошо иллюстрирует дизайн. Настоящая красота и истинное знание всегда ходят рядом. Созидать по законам красоты – значит осуществлять деятельность, результаты которой тяготеют к гармонии и совершенству. Красота невозможна там, где мерные параметры объекта игнорируются, где грубо насаждается субъективизм, а место истины занимают идеологические, религиозные, национальные или иные ценности. К сожалению, это не всегда понимают люди, принимающие решения законодательного, судебного, хозяйственного, управленческого характера. Когда истина и красота искусственно отрываются друг от друга, трудно ожидать умного и результативного действия. Как

только на первый план выходит утилитарное, а красота отодвигается в тень, деятельность по законам красоты становится невозможной, а результаты человеческой активности - эстетически непривлекательными. Люди старшего поколения хорошо помнят, что в 70-е – 80-е годы прошлого столетия обувные магазины больших городов СССР были завалены добротной кожаной женской и мужской обувью отечественного производства. Но почти вся она была лишена такой важной характеристики как красота. Поэтому и покупалась без энтузиазма.

Красота истины – это сложное переплетение специфики содержания и формы конкретного знания и их эстетической оценки. Истина и красота, пожалуй, наиболее близки в искусстве, где удовлетворение эстетических потребностей человека осуществляется одновременно с обогащением его знаниями, которые в каждом виде искусства представлены по-своему. Красиво по этому поводу сказал в свое время театральный режисер с мировым именем К.С. Станиславский: “Люди идут в театр для развлечения, но не заметно для себя выходят из него с разбуженными чувствами и мыслями, обогащенные познанием ... жизни...” (5,241). Эстетизируя истину, литература, музыка, кино, живопись и другие виды искусства порождают у человека определенную гамму чувств, посредством которых он переживает конкретные события, явления, процессы. В этой гамме самым удивительным образом переплетаются красота и безобразное, трагизм и комизм, возвышенное и низменное. Термин “красота истины” грешит неким субъективизмом. По другому и быть не может. Главное в истине - объективность ее содержания. Понимание же и восприятие красоты напрямую связано с эстетически вкусом человека. А о вкусах, как известно, не спорят, они субъективны. Хотя это совсем не означает, что следует отказаться от целенаправленного формирования зрелых эстетических вкусов. “Окрашивание” истины (= использование относительно ее термина “красота”) лишает его изначальной эстетической нейтральности, привносит сюда индивидуальный человеческий опыт, желания и переживания индивида. Такая субъективация истины ей совсем не вредит, даже наоборот. Истинное знание получает “человеческую окраску”. Кстати, все концепции истины в неклассической

философии в большей или меньшей мере акцентируют внимание на то, что истину нельзя отрывать от человека.

“Красота связана с ... процессом общественно-исторического превращения объективного мира в мир человеческий. Красота в этом смысле служит названием для наиболее оптимальных и разумных продолжений сущего в человеческой практике, обусловленных сложившейся системой культуры” [6, 224]. Красота соразмерна с высшей целесообразностью. Последняя – это максимальное проявление внутренних потенций, полное раскрытие своей предназначенности в мире, условие эффективного функционирования любой системы. При этом речь идет не просто о целесообразности, имеющей утилитарную, прикладную направленность, а именно о высшей предназначенности объекта, о его “призвании”, о тех содержании, форме, роли и функциях, которые присущи именно ему и ничему (никому) иному. Независимо от того, кем (чем) эта целесообразность задается – человеком, природой или богом – красота здесь имеет не внешний, а внутренний характер, вытекает из сущности объекта. Такая целесообразность и, соответственно, красота служат, как правило, утверждению в мире целостности, порядка и добра. Поэтому есть все основания говорить о добре красоты.

Пространство красоты значительно шире пространства добра. И не удивительно. Добро, как и зло, - продукты общественных отношений. Красота – составляющая не только общества, но и природы. Эти образования разны по своим истокам, содержанию, способам бытия, функциям. Но при этом имеют много общего. По значимости в человеческой жизни они равно великие. Оба обладают внутренним положительным зарядом, очень близки по настрою, тону, интонации. Добро и красота (истина тоже, но в меньшей мере) выделяются своей привлекательностью, продолжением которой, на мой взгляд, является заразительность. К добру и красоте люди тянутся. Согревшись их теплом, они, в большинстве случаев, осознанно или неосознанно пытаются утвердить их собственной жизнедеятельностью. Как следствие, силовые поля добра и красоты увеличиваются. В подавляющем большинстве случаев красота – очень нежное, хрупкое, сильно зависимое от субъективных и объективных обстоятельств,

пространства и времени образование. Даже тогда, когда она масштабна и величественна: красота моря и леса, заката и восхода солнца, монументальных произведений искусства и др. Одновременно красота очень сильна. И сила ее в одном – в воздействие на человека. Именно в этой плоскости и реализует себя связь добра и красоты. Вне ее данные феномены существуют отдельно друг от друга, как продукты разных способов освоения человеком действительности.

Прямой, непосредственной связи между красотой и добром, конечно же, нет. Просто по своей природе и функциям красота значительно ближе к добру, чем к злу. И лишь от субъекта зависит, в какую сторону он наклонит чаши этих своеобразных весов. Здесь огромную роль играют его потребности, интересы, мировоззренческие установки, уровень нравственной культуры, среда обитания и многое другое. Мудрый А.П. Чехов не случайно говорил, что в человеке все должно быть прекрасно, включая в это “все” мысли индивида. Наслаждаясь красотой и получив от нее сильный положительный импульс, можно спешить делать добро, а можно и наоборот. Думаю, мало кто будет возражать против мысли, что подавляющее большинство образцов оружия не просто эстетически привлекательны, но и красивы. Но это ведь оружие и его предназначение одно – убивать. Убийство всегда остается убийством и ему сложно найти оправдание. Правда, одни нравственные параметры имеет подвиг человека, защищающего с оружием в руках семью и родину, и совсем другие стрельба бандита, грабящего дом или прохожих. Красота оружия в этих обоих ситуациях как бы исчезает, “угасает”, на первый план выдвигаются его тактико-технические данные. Когда говорят о добре красоты, красота выступает как нравственная ценность, компонент морального сознания и моральной практики. Причем, это не надуманное, механическое перенесение эстетического феномена в принципиально иную сферу, а логическое продолжение его бытия там, где обойтись без него невозможно. Добро так же нуждается в красоте, как и красота в добре. Часто цитируемые слова Ф.М. Достоевского о том, что красота спасет мир, как нельзя точно фиксируют внутреннюю силу этого феномена, его облагораживающее воздействие, гуманистическую направленность, общественно полезную ценность. Иногда красоту

называют бесполезным добром. В этом предложении не стоит искать негативного смысла. Его здесь просто нет ибо сам факт бытия красоты уже и есть добро. Сущностные характеристики последнего таковы, что оно имеет имманентную направленность к красоте.

Сказанное выше совсем не означает, что красота является обязательным условием существования добра. Оно присутствует и там, где эстетические параметры действительности далеки от гармонии и совершенства. Быть добрым в злой, агрессивной среде нелегко, во сто крат труднее чем там, где действительность благоприятна к добру. Но тем ценнее оно здесь. В каждодневной жизни человек одновременно и добр, и зол. Он совершает как нравственные, так и безнравственные поступки. Важно каких больше. Добро и зло всегда ситуативны, но одна из этих противоположностей обязательно доминирует. Красота добра в той мере, в какой она способствует его рождению и утверждению. Добро практически невозможно задать “сверху”, оно творится по внутреннему желанию субъекта. В становлении такого желания красота играет огромную роль. Она рождена не для зла, а для добра, посредством которого и утверждает себя в жизни. В одном из своих произведений выдающийся литовский поэт прошлого века Э. Межелайтес назвал красоту витамином для духовного роста человека. И хотя вряд ли можно ожидать единодушия относительно суждения “ чем больше красоты в жизни индивида и общества, тем больше в ней добра”, никто не может возражать против того, что с добром и красотой жить намного комфортнее, веселее и интереснее, чем без них.

Литература

1. См.: Петрушенко В.Л. Філософія знання: онтологія, епістемологія, аксіологія. – Львів: Ахілл, 2005.
2. Энгельс Ф. Анти – Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – 2 изд. – Т. 20.
3. Цит. по кн.: Косса П. Кибернетика. – М., 1958.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – 2 изд. – Т. 42.
5. Станиславский К.С. Статьи, речи, беседы, письма. – М.: 1953.
6. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. - К.: Наукова думка, 1977.